

МОЛЧАНИЕ И КРИКИ

Многомерная реальность
Александра Калугина

Антонина Крюкова

Мастерская

ИЗВЕСТНОСТЬ Александра Калугина за рубежом обширна и устойчива. Она, бесспорно, обретает качество славы, когда имя художника становится привычным не только в кругах знатоков и коллекционеров. Она витает в воздухе... как неперенная составляющая современного культурного пространства. Шутка ли сказать, с 1972 года состоялось около 30 его выставок: в США, Великобритании, Франции, Голландии, Германии, Швейцарии. Здесь же — капля в море: импровизации на частных квартирах, редкие прорывы в Измайловский парк и на ВДНХ. Обычное же существование — подполье, углы, безвестность. Впрочем, эта особенность отечественного бытования для многих неофициальных художников стала давно уже и печальным обычаем, и скучным парадоксом одновременно. И так же неизбежна в их биографии, как снег зимой или желтый лист осенью. Первая персональная выставка Александра Калугина в Москве состоялась в галерее «Москоу Файн Арт» на Арбате.

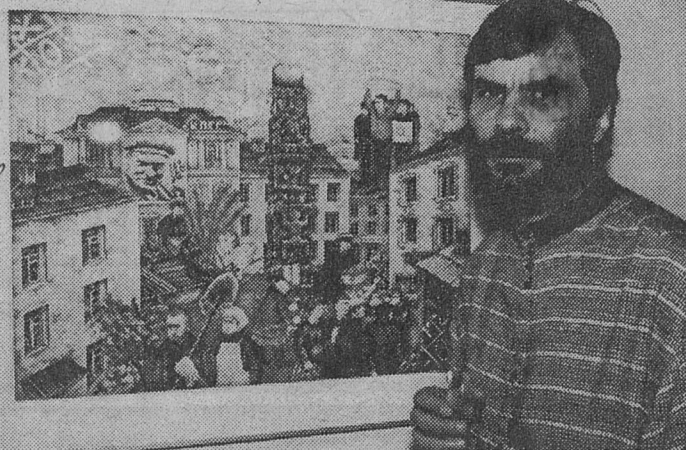
Родился Калугин в Эстонии, куда родители случайно попали во время войны. «Никаких особых чувств к месту своего рождения не питаю, — вспоминает художник. — Когда мне исполнилось пять лет, переехали в Москву. От Эстонии остались смутные воспоминания — сосны, собака Шарик, задавленная машиной, пожар и заикание, которое и сейчас со мной, запах копченой рыбы. Московское детство также вспоминается не очень внятно — осталось чувство, что из меня готовили

хорошего, стойкого уголовника... Научился искусству молчания и смотреть на жизнь со стороны, это заставило взять в руки карандаш. Решение стать художником появилось очень рано».

Художественный жест Александра Калугина внятн всякому взгляду — от взыскательного и разборчивого эстета до непритворливого и всеядного любителя. Трогательное внимание художника к подробностям бесприютного существования своих героев обнаруживает обманчивую доступность его мироощущения. Знакомые, привычные, будничные сюжеты его полотен при первом знакомстве привлекают многолюдностью, густотой «населения» общепитовских точек вроде пивных ларьков, тишиной московских дворишков, веселостью «податых» мужиков и дубинноголовых дворничих в серых стеганых телогрейках. Вот примелькавшийся сюжет из жизни совка: надпись через все полотно под названием «Первопричина» — «Пива нет. Ушла на базу». Угрюмая ортодоксальность этой жизни ощутима до озноба. Строители Вавилонской башни прекращают работы из-за столь очевидного хамства. Пораженный тем же зритель, растерявшись, хочет бежать прочь. Если бы не второй план картины, чуть-чуть, на один миллиметр отдаленный от как будто оживших, кричащих букв. Этот другой, эмоциональный пласт полотна и есть «молчание» художника. Оно застает врасплох, оглушает, заставляет остановиться. Оно-то и вызывает горькое чувство сострадания к уродливым и жалким совкам, которые не ведают, что творят.

Критические социально-злободневные аспекты, характерные приметы советской действительности в ее неприглядных, часто гротескно-абсурдных про-

*Независимая
газ. — 1994. —
29 нояб. — с. 7.*

На фоне «Московских буген»

явлениях — нелепых банальностях агитпропаганды, бытовой разрухи, тотальной обезличенности — на картинах Калугина, как инеем в морозный день, схвачены иронией. Но — без издевки. Мера ее столь скрупулезно выверена, что не возникает ни малейшей неприязни к этим пустоглазым существам. Напротив, сочувствуешь их нелепой, проклятой жизни и плачешь над их страшной, недостойной долей. «Застолье», «Утреннее пиво», «Игроки в домино» — фантазмагории повседневности ужасны своей обыденностью. Здесь реальность как будто помнялась местами с колдовским наваждением: то, что можно увидеть только в жутком сне, в этой жизни привычно и неотвратимо. То, что можно встретить лишь в доме ужасов, есть реальная жизнь человека. Безобидная игра в крестики-нолики (картина так и называется «Крестики-нолики») — символ бессмысленного и жестокого разрушения. Историю, страну, жизнь любого из нас легко можно зачеркнуть — крестиком ли, ноликом ли — какая разница! Падают деревья, разваливаются храмы, втаптываются в землю люди...

Офорт и акварель, тушь, масло, графика не только мастерски освоены Калугиным, но зачастую и смешиваются на одном холсте. Различные уровни, планы, срезы, мерцают, проступают и прорастают друг через друга, накладываются, взаимопросвечивают, порождают новые контексты. Картины ху-

дожника многослойны. Это тот редкий случай, когда техническое воплощение замысла идеально совпадает с метафизикой изображения на полотне. Много-слойность как прием получает качество многомерности смыслов. Из-под слоя рельефного, но вдруг отступившего масла может выглянуть черная тушь или даже лоскут вышитой материи, придавая картине объемность, своеобразную глубину. А зритель получает возможность проникновения как бы в другое время, в другую эпоху. Все это порождает странный эффект «разговора с вечностью», когда отступает хаос повседневности и обнажается гармония мира — к ней можно прикоснуться всего лишь мгновенным взглядом, но ощущение это останется надолго. Граффити и граффито Александр Калугин, право же, не просто использует в своем творчестве как известные и, в общем-то, распространенные приемы. Жизнь, явленная у художника «на языке трамвайных перебранок», только внешне суетлива и хаотична. За этой ее бессмысленностью художник умеет увидеть, а нам помогает обнаружить спокойную и просветленную красоту.

Как сказал поэт: «В жилищах наших/ Мы тут живем умно и некрасиво./ Справляя жизнь, рождаясь от людей,/ Мы забываем о деревьях». Художнику Александру Калугину дано о них не забывать.